Еще раз о концепции Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова и о критических этюдах в индоевропеистике

Станислав Григорьев

Читайте также ниже, в разделе «Мнения экспертов» комментарий проф. Л.С.Клейна «Несколько слов о гипотетической ближневосточной прародине индоевропейцев»

Введение

Вначале я хотел бы высказать свою признательность Л.С. Клейну, пригласившему меня принять участие в этой дискуссии. Вообще-то она длится уже много лет, с появления первых работ Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова по этой теме. И оживление, которое внес в нее С.В. Конча опубликованной здесь статьей “Концепция происхождения индоевропейцев Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова (критический этюд)”, можно только приветствовать. Но я не могу принять несколько тенденциозного изложения фактов, представленных в его статье. Не будучи лингвистом, я не в состоянии обсуждать специфические лингвистические сюжеты, поэтому оставлю их без внимания, тем более что это достаточно хорошо сделал в последующем обсуждении С.В. Кулланда. Но, поскольку речь идет о, прежде всего, лингвистической теории, полностью избежать этого я не могу. В последующем тексте я буду ссылаться на известную всем книгу Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова [1984], не адресуясь к конкретным страницам, в связи с чем прошу извинить коллег. Дело в том, что у меня проблемы с доступом к русскоязычному изданию, и я использую англоязычное, к которому есть проблема доступа у большинства русскоязычных читателей. Но оглавление книги достаточно детальное, поэтому проверить то или иное высказывание не составит особого труда. Кроме того, я буду ссылаться на 2-е издание своей монографии по этой проблеме, которая доступна по адресу https://islandvera.academia.edu/StanislavGrigoriev

Критика критического разума

В первую очередь, хочется обратить внимание на то, что в обсуждаемой критике много неточностей. Часть из них отметил С.В. Кулланда. Можно расширить это за счет серии сюжетов. Например того, что касается хозяйства стадии пра-индоевропейского (далее ПИЕ) языка. Дело в том, что С.В. Конча не совсем корректно передает реконструкцию Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым ПИЕ хозяйства и общества, обсуждая развитую металлообработку, пашенное земледелие, коневодство, колесный транспорт и т.д., что не дает возможности соотносить это с халафской культурой, как делают Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, или принять ранние даты ПИЕ состояния, предложенные Грэем и Эткинсоном (Gray, Atkinson, 2003), так как в то время подобные черты отсутствовали где бы то ни было в мире. Но в действительности, это не критика обсуждаемой лингвистической реконструкции, а критика собственного придуманного продукта. Ярким примером является именно упоминание развитой металлообработки, поскольку знание металла является широко обсуждаемым и общепринятым положением, маркирующим ПИЕ состояние. Но знание металла не дает оснований для обсуждения развитой металлообработки. В лингвистической реконструкции подчеркивается прямо противоположное – неразвитость кузнечной терминологии. И это предельно точно отражает неолитические реалии исключительно Ближнего Востока (с холодной ковкой самородной меди), энеолита Карелии и культур 2 тыс. до н.э. в районе Великих Озер в Северной Америке. Во всех прочих районах мы имеем ковки с промежуточными отжигами, литье, а часто и плавку руды. И я понимаю, что, не занимаясь проблемами археометаллургии, автор совершенно непреднамеренно допустил эту ошибку, искренне не усматривая в этом существенной разницы.

Что касается ряда иных черт, то они характеризуют индоевропейское общество отнюдь не с ранней стадии диалектного членения, и полностью соответствуют реалиям Ближнего Востока. Причем, в данном случае важен даже не сам набор, а строгое соответствие динамики развития ближневосточного хозяйства динамике развития ИЕ хозяйства, реконструируемой по языку [подробнее см. Григорьев, 2015 с. 337-339, 353-356]. Кроме того, важно то, что ни один иной район мира не способен не только продемонстрировать эту динамику, но даже сам подобный набор хозяйственных признаков.

Но даже, если мы не будем вдаваться в детали с различными стадиями этого развития, я думаю, что ни у кого из участников дискуссии нет сомнений, что ИЕ общество было земледельческим. Этот простой базовый факт позволяет исключить из рассмотрения Понто-Каспийские степи, где прародина ИЕ располагаться не могла, хотя к этой странной мысли привыкло уже не одно поколение археологов. И оставить в списке мы можем Ближний Восток, Балканы, Центральную и Северную Европу, хотя подчеркиваю, что точное соответствие демонстрирует лишь первый регион. Но мы можем даже закрыть глаза на эти детали, предположив, что упущены какие-то археологические данные или сделаны ошибки в лингвистических интерпретациях.

Детали важны при проработке какой-либо теории, порой они принципиальны. Яркий пример в этой дискуссии — сюжет про обезьяну в кельтских языках, который использовал С.В. Конча. Я не знаю как это возможно, но убежден в том, что ёрничание

по поводу обезьянок, захваченных в дорогу мигрирующими племенами, неуместно. А если прародина была в Северной Европе – как быть с обезьянками? Или эта деталь реконструкции не то, чтобы не верна, а не вполне точна, или ситуативна. На базе какого кельтского источника этот вывод сделан, не было ли это поздним заимствованием? Может вывод не точен, что не снимает положения о близости термина ближневосточной лексике. Если мы уберем этот сюжет, это не будет означать, что предложенная реконструкция миграций не верна.

Я что хочу этим сказать? Неточности каких-то деталей не могут использоваться для отрицания общих положений. Например, во многих езидских храмах или святилищах я видел изображение павлина. Естественно, мне вспоминалась старая статья Б. Брентьеса [1981] “Миттанийцы и павлин”. Я понимал, учитывая ареальное соответствие, что эти сюжеты каким-то образом связаны, но не мог представить себе объясняющую историческую ситуацию. Некоторые детали требуют более углубленного исследования, поскольку были порождены не линейными процессами, а сложным комплексом факторов. Но исследовать эти детали возможно лишь в рамках каких-то общих базовых систем, в отрыве от них эти детали абсолютно бессмысленны.

Проблема локализации

И принципиальным, для начала, является вопрос времени и места, который обсуждал когда-то Дж. Мэллори, выхватив именно болевой узел проблемы [Mallory, 1996; Мэллори, 1997]. Мы не станем обсуждать проблему времени, поскольку, базируясь на археологии, мы получим два разных репера – 8-6 тыс. до н.э., если отталкиваться от идеи ближневосточной прародины, и 5-4 тыс. до н.э., если отталкиваться от степной. И для обеих мы в состоянии сегодня подобрать соответствия, построенные на глоттохронологии. Соответственно, это исключительно лингвистическая проблема. И мы можем обсуждать лишь проблему места.

Ближневосточная прародина

Поэтому вернемся к локализации, стараясь не вдаваться в детали, которые могут быть дискуссионны. Выше мы очертили районы Ближнего Востока, Балкан, Центральной и Северной Европы, которые могли бы подойти на роль локализации прародины с точки зрения хозяйства. Но последний район мы тоже можем убрать. Судя по лексике, ПИЕ прародина располагалась в гористой местности, а трудно найти более плоские и унылые равнины, чем Северная Германия и Польша.

Все прочие районы вполне приемлемы. И мы опять намеренно не будем вдаваться в детали, и обсуждать все эти аргументы “лосося”, “березы” и т.д., поскольку последний аргумент всегда использовался против ближневосточной локализации, но я сам отдыхал в тени березовой рощи в Южной Армении, а раскопки в Телль Магзалии выявили пыльцу березы в слое 7 тыс. до н.э. [Зеликсон, Кременецкий, 1989, с. 288]. А это не Тавр или Загрос, это Синджарская равнина, где сейчас вообще мало что растет.

И лингвистическая теория останавливает свой выбор, все же, на Ближнем Востоке, в силу языковых связей с носителями ближневосточных языков. Те сомнения, которые привел С.В. Конча об отсутствии заимствований в семитские и т.д., важны, но ситуация вполне нормальная, когда заимствования идут из более развитой культуры в менее развитую. Мы можем сколь угодно долго спорить о том или ином аргументе, но принципиально эту связь оспорить нельзя.

Нельзя забывать и о ностратической теории, аргументация которой, насколько я понимаю, все эти годы продолжала активно наращиваться, хотя проблем там достаточно много. Но эти проблемы не позволяют эту теорию отмести, это проблемы чисто исследовательские. То есть, мы имеем дело с серьезными системными доказательствами, нормально вписывающимися в иную лингвистическую систему. А не следует забывать, что мы обсуждаем именно лингвистическую теорию.

Критика восточноевропейской прародины

В противоположность этому, идея восточноевропейской прародины каких-либо лингвистических аргументов не имеет. Были рассуждения об индоевропейских связях с финно-угорскими языками, но их можно объяснять только с позиций ностратического единства, поскольку, по мнению В.В. Напольских, эти языки фиксируют контакт уже с какими-то индоиранскими популяциями, но никак не контакты на ПИЕ стадии. Кстати, он достаточно надежно показал локализацию финно-угорской прародины перед распадом этой языковой семьи на восточных склонах Урала [Напольских, 1997, с. 132, 148-151, 162, 163], и мне трудно представить себе археологический материал, демонстрирующий даже эти сомнительные связи ПИЕ уровня, в случае, если речь идет об энеолитических культурах степей Восточной Европы. Соответственно, так называемая “курганная теория” не базируется на лингвистических положениях, в основе ее лежит исключительно археология, что скверно для лингвистической проблемы. Но и для чисто археологической теории она предельно слабо отработана

типологически. Все ее положения носят декларативный характер, и были бы уместны в качестве иллюстрации к проработанной базовой лингвистической теории. Поэтому существование ее столь долго обусловлено лишь широкой распространенностью. Такое случается с религиозными воззрениями. Я, например, как и все прочие, убежден в индоевропейской принадлежности ямной культуры, но я не знаю ни одного аргумента, подтверждающего это. Впрочем, как и все прочие.

Центральноевропейская прародина и ее связь с ближневосточной

Несколько больше оснований у Центральной Европы и Балкан, так как мы знаем о пласте ПИЕ гидронимов в Европе. Мы можем даже допустить, что в процессе неолитизации (которая совершено однозначно осуществлялась из Анатолии) в Европу могли проникать иные ближневосточные группы, которые обеспечивали соответствующие включения в ИЕ языки. Обратные же влияния, фиксируемые в языках в Передней Азии, можно объяснить проникновением европейских культур в Анатолию на рубеже энеолита и эпохи бронзы [Mellaart, 1957, p. 69, 72, 86; 1971, p. 371-384, 406-407], и далее в Закавказье и Сиро-Палестину. Но, во-первых, это лишь модификация все той же ближневосточной теории. Во-вторых, насколько я понимаю, речь идет о языковых связях, реконструируемых для разных стадий диалектного членения ИЕ. А описанное проникновение европейских групп отражает лишь возврат ранее отколовшихся носителей анатолийских диалектов [см. подробнее Grigoriev, 2002, p. 354-357; Григорьев, 2015, с. 370-375]. И, в данном случае, я не склонен разделять следующую позицию Л.С. Клейна из этой дискуссии: “На мой взгляд, ключевой вопрос для решения локализации прародины индоевропейцев – это появление хеттов в Анатолии: откуда они пришли, в том направлении и нужно искать прародину всех индоевропейцев, потому что хетты были первыми, отделившимися от общего ствола”. В действительности, то, откуда они пришли, маркирует лишь то, откуда они пришли. Это не может служить обоснованием для локализации прародины всех индоевропейцев, особенно на фоне того, что эти европейские культурные образования имели *безусловные* более ранние анатолийские корни. Соответственно, мы вправе допускать, что значительная часть ИЕ популяций оставалась на Ближнем Востоке. Кроме того, этой миграции в Анатолию предшествовала миграция на Балканы энеолитических племен из понтийских степей. Соответственно, эта направленность появления хеттов может обсуждаться с позиций трех вариантов локализации прародины.

Проблема миграционных путей

И в данном случае, принципиальны уже реконструкции миграционных путей. Поэтому я сразу приведу несколько аксиом. Не существует никакой возможности показать миграции *каких бы то ни было* групп из Северной Евразии в Анатолию, Иран или Индию. Таких материалов там нет. Если кто-то хочет это оспорить, прошу не ограничиваться ссылками на иных авторов, а указать на конкретные археологические комплексы, в идеале с графическим сопровождением.

Равным образом, нет возможности показать процесс распространения индоевропейцев из Северной и Центральной Европы. Можно привести миграции по лесной зоне от шнуровиков до фатьяново на Волге, но далее показать развитие в иные культуры эпохи бронзы на юге и востоке невозможно. Но, даже допустив эту невероятную гипотезу, и пройдя путь серии маловероятных допущений, мы столкнемся с той же неразрешимой проблемой Южной Евразии.

Мы можем начать комбинировать эту идею с обсуждавшейся выше миграцией с Балкан в Анатолию, предположив, что вместе с анатолийцами пришли арии и армяне. Но как это все будет совмещаться с диалектным членением ИЕ языков? Если мы добавим сюда дальнейшие миграции уже с Ближнего Востока, то чем это принципиально отличается от ближневосточной теории? И хочу подчеркнуть, что без этого речь идет всего лишь о двух надежно зафиксированных локальных эпизодах миграций. Иногда для объяснения тохарского присутствия в Центральной Азии используется сходство мегалитических культур Франции и чемурчекской культуры [Ковалев, 2005, с. 178-184; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 80; Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2009, с. 71-75; Клейн, 2011]. Но тут есть серия вопросов. Во-первых, хронология. К моменту формирования чемурчекской культуры европейские мегалиты давно не строились, хотя известны случаи переиспользования. Эти мегалиты отличны от погребений чемурчекской культуры, в особенности тех, что находятся в ареале КВК на востоке. Приводимые параллели в материальной культуре правомерны для достаточно простых форм. Никаких специфических форм посуды или инвентаря, общих для обоих регионов, нет. Единственное безусловное сходство демонстрируют статуи-менгиры. И это, действительно, не похоже на простое совпадение.

То есть, пока это факт сомнительный, но, даже допустив его, мы получаем лишь третий локальный эпизод. Но, когда речь идет о таком масштабном явлении, как распространение индоевропейских языков в Евразии, мы должны увидеть столь же масштабные миграции, отраженные в археологическом материале.

Проблема фиксации ближневосточных миграций

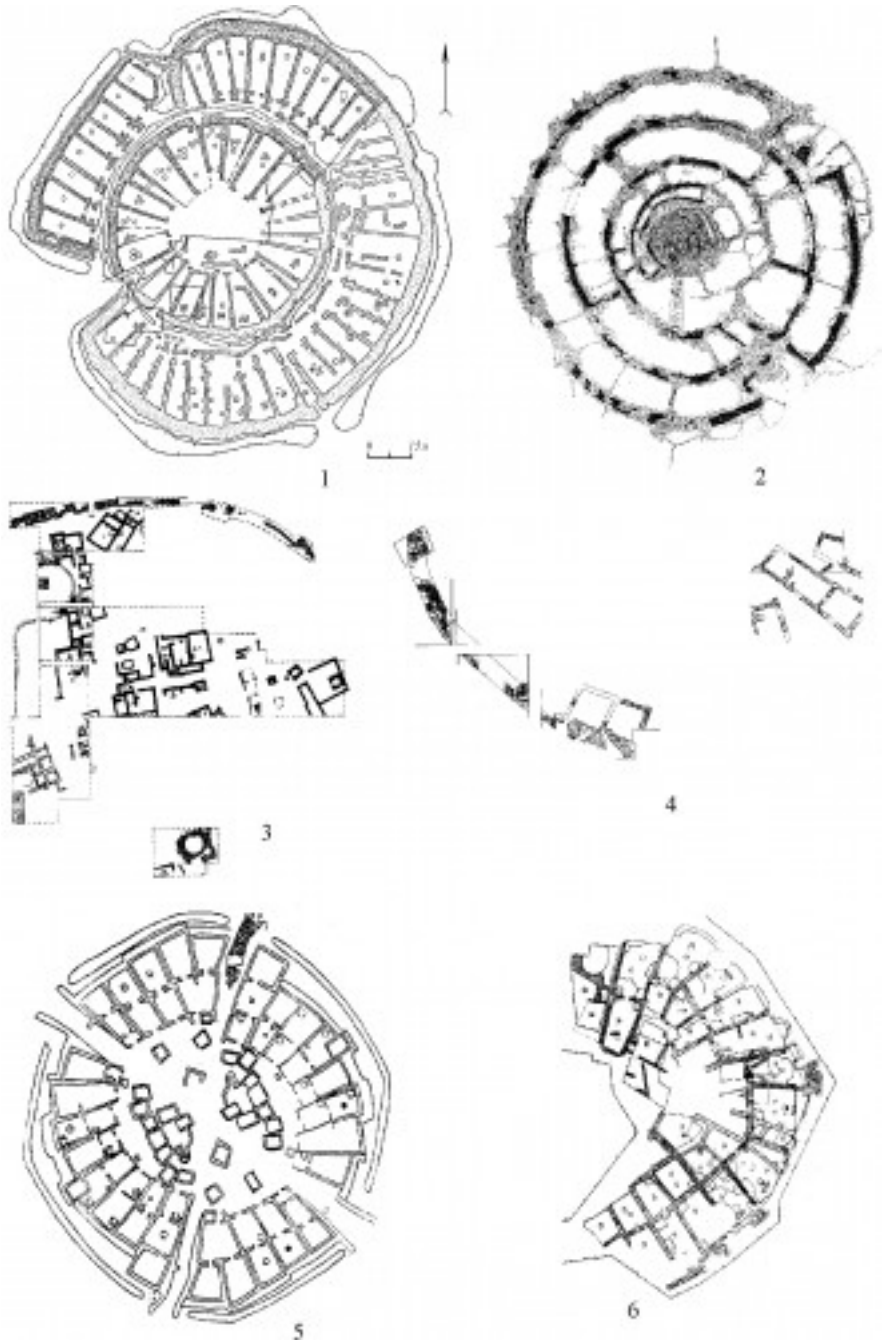

Рис. 1. Архитектура синташтинской культуры (1) и Ближнего Востока (2-6). 1 – Аркаим; 2 – Роджем Хири; 3 – Тюлинтепе; 4 – Херайон; 5 – Демирчиуйюк; 6 – Пулур.

И такие миграции следуют, начиная с неолита, исключительно с территории Ближнего Востока. В своей статье С.В. Конча транслирует древнюю археологическую максиму о том, что археологических следов этих миграций нет, так как Ближний Восток – это яркие цивилизации и “такую культуру – отвечающую критериям «протоцивилизации» ближневосточного типа – современным археологам было бы трудно не заметить”. Вообще-то заметили, и даже этот неудачный термин «протоцивилизация» употребляли. Речь идет о синташтинской культуре Зауралья, базовые черты которой имеют параллели именно на Ближнем Востоке (см. [Григорьев, 2015, с. 32-40, 62-106] или рисунки 1, 2). А еще заметили карасукскую культуру [Членова, 1972, 1974].

Рис. 2. Сопоставление синташтинских изделий (1-23) с изделиями Кавказско-переднеазиатского региона (24-48). 1, 3, 4, 10, 11, 13-19, 21-23 – Синташта; 2, 20 – Каменный Амбар; 5, 6 – Тюбяк; 7, 9 – Аркаим; 8, 12 – Большекараганский; 24 – Кумбулта; 25 – Тель Мардих; 26 – Эшери; 27 – Ур; 28, 48 – Сузы; 29, 30 – Газа; 31 – Каличакуйю; 32, 38, 43 – Демирчиуйюк; 33, 37 – Аладжауйюк; 34 – Малатья-Арслантепе; 35 – Культепе; 36 – Телль-эд-Дабья; 39 – Кировакан; 40 – Мегерсен; 41, 46 – Хама; 42 – Демирчиуйюк; 44 – Нахал Мишмар; 45 – Сузы; 47 – Арич.

Но здесь важно внести некоторое понимание в ситуацию. На север не мигрировали представители ближневосточных цивилизаций. Поэтому мы не должны искать аналоги Львиных Ворот Хаттусы или зиккуратов Вавилонии. Мигрировали представители варварской периферии. И их культура не отличалась принципиально от того что проникало в Северную Евразию. Например, несмотря на убежденность в том, что на Ближнем Востоке повсеместно была распространена глинобитная архитектура и гончарное производство, это не соответствует действительности. Если обратиться к литературе по курдской этнографии, то мы увидим постройки, хорошо знакомые нам по археологии Урала и Казахстана. Собственно, я сам видел остатки таких построек в горах юга Центральной Турции и в Загросе, и им было не более 30-40 лет. А в пещере Шанидар еще в 2005 году жила семья пастухов со своим стадом. И все отличие от неолитических жителей этой пещеры или пещер Урала сводилось лишь к использованию полиэтилена для организации противоветровых заграждений. Эти люди даже зерно толкли пестом в ступе, сделанной в камне.

Поэтому нельзя переносить впечатления от центров ближневосточных цивилизаций в обсуждение этой проблемы. Археологическая проблема сводится, как раз, к совершенно противоположному: начиная с неолита и в течение всей эпохи

бронзы шли импульсы с Ближнего Востока, которые накладывались на более ранние. В результате, некоторые черты, которые были привнесены повторно, могут быть интерпретированы в рамках идеи имманентного развития (идеальная иллюстрация этого может быть сделана на катакомбном и синташтинском материале). Это был достаточно масштабный процесс, который и объясняет это распространение индоевропейцев.

Недостатки ближневосточной теории и требование системности

Что мы, в результате, имеем? Существует лингвистическая система, которая показывает происхождение и распространение индоевропейских языков с Ближнего Востока. И мной предложена археологическая система, которая неплохо коррелирует с лингвистической. Я убежден в том, что теория Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова имеет множество недостатков. Например, мне тоже не удалось найти убедительных археологических свидетельств контактов мигрирующих кружным путем древних европейцев с праенисейцами там, где это предложили Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, то есть в Средней Азии [Григорьев, 2015, с. 243]. Но не исключено, что эти контакты имели место на Урале, или вовсе в Европе, если там сохранялся постмегалитический дене-кавказский субстрат [Григорьев, 2010]. Возможны и какие-то иные варианты.

Равным образом, я уверен, что многие мысли, предложенные мной, могут оказаться неверны. В частности, эта ситуация с языками групп “кентум” и “сатем”, которую обсуждает С.В. Конча, как и многие авторы до него. Мы можем опровергать правомерность этих группировок, говорить, что они не базовые, но они объективно существуют. Локализация языков первой группы к западу от второй на территории Европы используется для обоснования того, что сильных смещений быть не могло. Действительно, объяснить эту картину можно как небольшими смещениями из Средней Европы на восток, так и смещениями в обратном направлении. Тем не менее, все это можно объяснять и с позиций ближневосточной прародины. Можно предполагать, что это произошло на Ближнем Востоке, но то же могло случиться и в процессе миграции. Например, я был склонен отождествлять миграцию носителей кельто-италийских диалектов с продвижением в Европу сейминско-турбинских бронз, а германских и балто-славянских – с федоровской культурой и ее производными [Григорьев, 2015, с. 219-247, 282-288]. Но не исключено, что германские языки были связаны тоже с первой языковой группой и с продвижением сейминско-турбинских бронз. В этом случае массово проявляющиеся контакты федоровских популяций со степными и лесостепными иранскими популяциями будут вполне нормально объяснять сатемизацию балто-славянских языков.

Я не настаиваю и на этом варианте. Речь идет лишь о том, что объяснение этим деталям может быть слишком разное. Вопрос лишь в базовых схемах.

И принципиальное соответствие археологии и лингвистики в рамках ближневосточной теории есть, и оно может постепенно дорабатываться. Предлагаемые параллели можно, хотя бы, обсуждать, с чем-то соглашаться, что-то отвергать, наращивать или сокращать эти аргументы. Главное здесь – системное соответствие. В случае с Понто-Каспийской теорией мы не можем что-то обсуждать, отвергать или принимать, в силу тотального отсутствия аргументации, как лингвистической, так и археологической.

В ситуации с Центральной Европой, как это показано выше, мы в состоянии пытаться что-то моделировать из разрозненных фактов, но хотелось бы посмотреть на то, как археология и лингвистика будут там смотреться в одной системе, даже в виде эскиза, без развернутой аргументации. И, как мне кажется, закончится подобное моделирование компромиссами с ближневосточной теорией.

Поэтому, на сегодняшний день, ближневосточная теория представляется наиболее предпочтительной. Вообще-то, многие археологи готовы признать ряд ближневосточных параллелей, но склонны объяснять это влияниями из более развитых центров. Но, как и в случае с языком, распространение этих черт без непосредственных контактов невозможно. Особенно показательно в этом плане распространение с территории Ближнего Востока металлургического производства [Григорьев, 2013, с. 608-616]. Оно состоит из комплекса взаимосвязанных операций, когда тип сырья диктует технологию плавки руды, с этим связан тип лигатуры, а с последним технологии металлообработки и, в итоге, типы изделий. И появление этого комплекса отражает именно миграции. Особенно, когда идет передача этих технологий через безрудные ареалы.

В археологии Северной Евразии довольно типичны два явления. Время от времени, на огромных пространствах происходят масштабные изменения, формирующие сходные культурные образования на месте ранее не связанных (или мало связанных) субстратов. Один из примеров – это формирование валиковых культур в начале финальной бронзы. Иногда мы видим неожиданное появление в полностью оформленном виде качественно новых явлений, которые трудно вывести из предшествующих культур (напр. синташтинская культура, сейминско-турбинские памятники, карасукская культура). Все это является надежным свидетельством именно миграций.

Решит ли проблему генетика?

Конечно, очень соблазнительно было бы получить подтверждение этому от генетиков. Но дело в том, что, как язык и культура есть вещи разные, так и генетическая картина популяций не может соответствовать языковой или культурной ситуации. Ярким примером этого является Европа, где исследования Л. Кавалли-Сфорца и его коллег показали, что языковые различия более связаны с политическими границами или географическими барьерами, а генетическая картина с географическим расстоянием, и носители разного языка могут быть генетически довольно близки, если они являются соседями [Cavalli-Sforza, 1997]. Это вполне естественная ситуация, поскольку, если мигрировала какая-то небольшая элитная группа, навязавшая свой язык на какой-то территории, это не меняет в корне генетический набор. Кроме того, большинство таких исследований базируется на изучении современных популяций, что отражает не только древнюю историю, но и последующее сближение или расхождение, и потому допускает разные трактовки. То есть, эти исследования могут неплохо вписываться в некую реконструируемую систему миграций, но это не значит, что данное соответствие является надежным маркером истинности. Приведу пример.

Мне безусловно импонирует обсуждавшееся на этом сайте исследование О. Балановского с коллегами о связи гаплогруппы G1 с иранцами и об ее ближневосточном происхождении [Balanovsky et al., 2015]. Парадокс в том, что присутствие этой гаплогруппы у казахов рода аргын, в Армении, Иране и на Урале, а также в Восточной Турции, прекрасно увязывается с моей схемой распространения иранцев из Восточной Турции двумя путями: в Среднюю Азию и Иран, а также на Урал и в Казахстан с оседанием части популяции в Армении, с миграцией из последнего региона в Центральную Азию [Григорьев, 2015, с. 438, 439]. Но даже такое близкое тождество оставляет множество вопросов. Мне трудно понять сохранение генетического набора в условиях кочевых обществ, переживших достаточно бурный период раннего железного века и средневековья. При том, что в степи от Заволжья до Алтая (кроме группы донгальских памятников) в заключительную поставликовую фазу бронзового века памятники почти исчезают. А что касается Армении, то меня смущает упоминание того, что эта гаплогруппа характерна для армян-амшенов, которые полагают, что они произошли от родственников и слуг князя Шапух Аматуни, приехавшего из Аббасидского халифата. То есть, даже при таком предельно точном совпадении мы можем найти иные объяснения. Соответственно, решение проблемы возможно в двух случаях: 1) Исследование генетического материала древних культур (синташтинской, севано-узеликской, БМАК, серой керамики Ирана, карасукской); 2) Создание на основе исследования современных популяций предельно объемной картины “миграции генов” и сопоставление с теориями миграций индоевропейцев. В последнем случае мы все равно не получим детального сходства, но будет материал для обсуждения. Правда, много лет назад я работал на землях рода аргын, и мне неоднократно рассказывали, что их предки пришли с востока, с гор. Я не знаю, соответствует ли истине эта легенда, но, если есть возможность показать, что аргыны генетически ближе с армянами-амшенами, чем с иранцами, можно строить какие-то дополнительные объясняющие модели.

Собственно, то же в еще большей степени относится и к оживленно обсуждаемой последнее время статье о массовых миграциях в Европу в ямное время [Haak et al., 2015]. Ее разбирал в дискуссии на этом сайте Л.С. Клейн, и с этим трудно не согласиться. Приведенные данные, конечно, важны и интересны, они вполне объективны, хотя и неполны (тут Лев Самуилович прав). Но, что касается индоевропейской проблемы, эти данные можно вполне нормально соотнести с любым вариантом индоевропейской прародины.

Выводы

Собственно, главный смысл этой статьи сводится, на мой взгляд, к следующему. Для всех участников обсуждения совершенно очевидно, что распространение языка, материальной культуры, антропологического типа и генов – есть процессы разные, имеющие свои закономерности. Поэтому мы не можем сказать, что появление некоего генетического набора (типа керамики, антропологического типа и т.д.) есть признак распространения какого-то языка. Отдельные подобные факты могут получать совершенно разные объяснения. Эти объяснения могут быть слишком гипотетическими, но они будут порождать справедливые и необходимые сомнения. Еще более странным мне кажется обсуждение проблем этногенеза в терминах “германцы и конь” или ”индо-арии и колесница”. Эти понятия могут на каком-то временном или пространственном отрезке совпадать, но в целом они абсолютно не адекватны друг другу, и не могут использоваться в обсуждении проблемы до тех пор, пока не удастся надежно доказать, что ближневосточные и китайские правители нанимали в свои армии исключительно колесничих-индоевропейцев. Поэтому эти факты могут выступать лишь в качестве последующей иллюстрации, но не первичного доказательства. Строго говоря, даже если мы на каком-то сосуде найдем надпись на языке, который удастся идентифицировать, из этого не будет со 100%-й вероятностью следовать, что владелец сосуда или его изготовитель были носителями этого языка, или то, что сосуды этого типа маркируют область распространения этого языка. Но как дополнительный аргумент, этот факт будет вполне приемлемым.

Изучение всех этих деталей необходимо, но вне крупных рекострукционных систем они допускают (и должны допускать!) множественные толкования.

Если мы обсуждаем индоевропейскую (дене-кавказскую, финно-угорскую и т.д.) проблему в целом, то мы должны строить максимально крупные независимые реконструкции на базе отдельно лингвистики, археологии, генетики, и т.д., получать процессы распространения языка (культуры, набора генов, и т.д.), сопоставлять эти процессы друг с другом, и если процессы

совпадают, мы вправе делать допущение о том, что речь идет о едином процессе. В случае совпадения системы процессов степень верификации повышается. Конечно, возможны, и обязаны иметь место, исследования по каким-то отдельным народам и территориям, но их надежность повышается тогда, когда они вписаны в общий контекст более крупной системы.

И, на мой взгляд, на сегодняшний день только ближневосточная гипотеза имеет признаки такой системы. Все прочие в состоянии предложить лишь больший или меньший набор аргументов. При этом я прекрасно понимаю, что в любой иной гипотезе есть хорошо проработанные и верифицированные узлы, которые могут использоваться в общей системе. Нет у меня никаких сомнений и в том, что ближневосточная теория имеет ряд недостатков. Но там существует система, отдельные блоки которой можно дорабатывать, заменять или отвергать. Поэтому я не готов согласиться с выводом, который сделал о работах Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова коллега С.В. Конча: “Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что наиболее показательная ценность их труда состоит именно в том, что, приложив массу усилий для нахождения данных в пользу прародины индоевропейцев на Ближнем Востоке, два высококлассных специалиста в области истории языков и культуры, вопреки их собственной в том уверенности, этих данных так и не смогли обнаружить”.

Они обнаружили.

Литература:

Брентьес Б., 1981. Митаннийцы и павлин // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси.

Григорьев С.А., 2010. Мегалиты Урала в свете индоевропейской проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований. Москва: издательство МГОУ, с. 195-204.

Григорьев С.А., 2013. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. — Челябинск: Цицеро. Доступ https://islandvera.academia.edu/StanislavGrigoriev

Григорьев, С.А., 2015. Древние индоевропейцы. Изд-е 2-е доп. — Челябинск: Цицеро. Доступ https://islandvera.academia.edu/StanislavGrigoriev

Зеликсон Э.М., Кременецкий К.В., 1989. Палеография района Джебел Синджара // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Клейн Л.С., 2011. Еще раз к вопросу о тохарской миграции. Stratum plus (2), с. 183-186.

Ковалев А.А., 2005. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: АГУ, с. 178-184.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: АГУ, с. 80-85.

Мэллори Дж. П., 1997. Индоевропейские прародины // ВДИ, № 1.

Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.

Членова Н.Л., 1974. Карасукские кинжалы. М.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А., 2009. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Евразии: материалы 3-й Всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля 2009 г.) – Иркутск: ИрГТУ, с. 70-83.

Balanovsky O., Zhabagin M., Agdzhoyan A., Chukhryaeva M., Zaporozhchenko V., Utevska O., Highnam G., Sabitov Zh., Greenspan E., Dibirova Kh., Skhalyakho R., Kuznetsova M., Koshe S., Yusupov Yu., Nymadawa P., Zhumadilov Zh., Pocheshkhova E., Haber M., Zalloua P.A., Yepiskoposyan L., Dybo A., Tyler-Smith Ch., Balanovska E. Deep Phylogenetic Analysis of Haplogroup G1 Provides Estimates of SNP and STR Mutation Rates on the Human YChromosome and Reveals Migrations of Iranic Speakers // PLOS ONE | DOI:10.1371/journal.pone.0122968 April 7, 2015.

Cavalli-Sforza L., 1997. Genetic and cultural diversity in Europe // Journal of anthropological research. V. 53, N 4, p. 383-404.

Gray R., Atkinson Q., 2003. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origins // Nature, 426, p. 435-438.

Grigoriev S.A. Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk: Rifei, 2002.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou Ch., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F.k, Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Roth Ch., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W., Reich D. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature (2015) Published online 02 March 2015, doi:10.1038/nature14317.

Mallory J.P., 1996. The Indo-European Homeland Problem: a Matter of Time // The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington.

Mellaart J., 1957. Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age // Anatolian Studies. Yournal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. VII.

Mellaart J., 1971. Anatolia c. 4000-2300 BC // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.